

ЧИТАЛКА «ШБ»

В.Л. ВИНОКУР

Гимназические библиотеки Министерства народного просвещения России

ОТ ПЕРВОГО УСТАВА ГИМНАЗИЙ АЛЕКСАНДРА I ДО РЕФОРМ
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА II (1804–1874 гг.)*

КТО МОГ СТАТЬ БИБЛИОТЕКАРЕМ В ГИМНАЗИИ И ПРОГИМНАЗИИ?

Штаты российских гимназий и прогимназий с 1804 по 1917 год не предусматривали профессии библиотекарь как отдельной штатной единицы.

В первом гимназическом уставе сказано только, что «хранение же казенных книг и пособий поручается в Гимназии Учителю, которому оне по науке принадлежат...» (пункт 74). Это прямо указывает на отсутствие единого библиотекаря.

В то же время, например, в «Штате Императорского лицея» от 20 мая 1817 года отдельной строкой указывалось: «Библиотекарю из Гувернеров прибавка к жалованию — 500» (рублей). То есть на одного из гувернеров возлагались обязанности библиотекаря, с выплатой ему прибавки к заработной плате за заведование библиотекой лицея.

Штат Санкт-Петербургской гимназии от 25 июля 1825 года предусматривал наряду с педагогическими работниками, немало должностей, как писали в то время «низших служителей»: надзирательницы в лазарете, привратника, дортуарных служителей, классных служителей, письмоводителя. Однако этот документ не упоминает не только должности библиотекаря, но и не содержит сведений о какой-либо доплате служащим гимназии за исполнение обязанностей библиотекаря.

Во втором Гимназическом уставе от 5 декабря 1828 г., изданного в правление Императора Николая I, в отношении руководства гимназическими библиотеками была внесена яс-

ность: «Библиотеку имеет в своем ведении один из старших Учителей, по назначению Директора; хранение инструментов математических и физических поручается Учителям, преподающим Науки, к которым они относятся» (параграф 157). Таким образом, книжное собрание учебного заведения отделялось от прочих учебных пособий и сосредотачивалась в руках одного хранителя из числа старших учителей.

В «Уставе» 1864 г. уже содержится упоминание об исполнении обязанностей библиотекаря. На гимназию или прогимназию предусматривался лишь один библиотекарь, причем им мог стать только педагог данного учебного заведения, который избирался решением педагогического совета сроком на два года.

Жизнь потребовала внесения изменений в законодательство о гимназическом библиотекаре. Так, в «Уставе» 1871 года срок избрания на должность библиотекаря увеличивался до трех лет. Помимо этого, увеличение библиотечных фондов и наличие двух, а то и более библиотек в одном учебном заведении потребовали внести в Гимназический устав 1871 г. дополнение, согласно которому с разрешения педагогического совета допускалось:

— управление библиотекой уже двумя лицами «с поручением одному из них основной библиотеки, а другому — ученической, с распределением между ними книг...»;

— заведование ученической библиотекой могло быть поручено педагогическим советом не только педагогу, но и работникам, осуществлявшим в учебном заведении должности воспитателей: инспектору гимназии, надзирателю или воспитателю пансиона (Примечание к параграфу 22).

* (Продолжение. Начало см. в № 4, 5, 8 за 2007)

Любопытно, что право самоотвода лица, избранного педагогическим советом на должность библиотекаря, предусмотрено не было. Хотя, также избираемые в гимназиях и прогимназиях члены хозяйственного совета, принимавшие решения по хозяйственным вопросам, имели право, при повторном их выдвижении в данный совет учебного заведения, отказаться от такого поручения.

В «Штатах гимназий» 1864 г. прямо указывалось, что сумма в 240 рублей в год, предназначенная как «добавочное жалование: секретарю и библиотекарю», распределяется «по 120 р. каждому».

Такая же сумма выделялась и в «Штатах гимназий» 1871 г.: «Добавочное жалование секретарю совета и библиотекарю — 240 руб. в год».

Таким образом, самостоятельной штатной единицы гимназического библиотекаря, предусматривающей годовой оклад по должности, а также указания на классный чин, мундир и назначение пенсии, не предусматривалось.

Причем в случае избрания второго библиотекаря учебного заведения доплата в 120 рублей в год должна была делиться между двумя работниками.

Ни «Устав» 1864 г., ни «Устав» 1871 г. прямо не сообщают: должен ли педагог, избранный библиотекарем, совмещать свою педагогическую деятельность с библиотечной или же заниматься только вопросами библиотеки.

Можно предположить, что должность библиотекаря представляла вид почетной и оплачиваемой нагрузки к основной должности педагога.

В то же время требовалось, чтобы с книжным собранием учебного заведения работал человек, разбирающийся в библиотечном деле. Так, в параграфе 28 «Общей инструкции окружным инспекторам и другим лицам, командируемым для ревизии гимназий и прогимназий, уездных училищ, а также равным им по курсу учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения» от 3 марта 1871 г. сообщалось: «Приступая к обозрению учебно-вспомогательных учреждений, ревизор удостоверяется: существуют ли в подлежащих осмотру учебных заведениях все те собрания, какие обуславливаются их учебным курсом, как-то: библиотека учительская и ученическая... и вверено ли ближайшее заведение сими учреждениями лицам, достаточно знакомым с этого рода занятиями и достаточно усердным».

Путь к заведению гимназической библиотекой был весьма непросто и занимал несколько

лет, пролегая через университетские аудитории, кабинеты руководителей учебным округом, а затем и гимназические классы.

А каким образом во второй половине XIX века в России становились гимназическими учителями?

Педагогическая работа была достаточно престижной и представляла собой род государственной службы «по учебному ведомству», которая предусматривала присвоение чинов, наличия 4 профессиональных категорий (высшая из которых, кстати, именовалась «заслуженный учитель»), связанных с увеличением денежного содержания, оплату за выслугу лет, пенсионное обеспечение в размере 50% денежного содержания. Поэтому, кроме преподавателей, состоявших в штате гимназий и прогимназий в ранге чиновников, имелись и сверхштатные учителя, не имевшие оклада, чина и предусмотренных льгот. Эти педагоги ожидали освобождения места преподавателя и получали вознаграждение только за проведенные уроки, т.е. почасовую оплату.

В соответствии с требованиями «Устава» 1871 г., преподавателями наук и языков наиболее высокооплачиваемых категорий педагогов гимназий и прогимназий, могли стать только лица, окончившие полный курс обучения в университете и имеющие «одобрительные аттестаты», после чего кандидаты в учителя должны были выдержать «установленное по званию учителя гимназическое испытание». В преподаватели успешного кандидата на службу принимал попечитель учебного округа, как по собственной инициативе, так и по представлению директора гимназии или инспектора прогимназии, в которой будущий педагог намеревался служить. Учителями «новых языков»: французского и немецкого — могли стать также и лица, хотя и не окончившие университетский курс, но тем не менее «выдержавшие особое испытание на звание учителей новых языков в гимназии и достаточно знающие русский язык». Причем сдавать такое «испытание» кандидатам в преподаватели «новых языков» приходилось в университетах.

А какую заработную плату получали педагоги гимназий и прогимназий?

На этот вопрос ответить непросто. Дело в том, что в гимназиях и прогимназиях учителя делились как по профессиональному (предметному признаку), так и по выслуге лет.

Согласно штатам на 1864 год наиболее высокооплачиваемых гимназий — классических, с преподаванием латинского и греческого языков, — 2 учителя, преподававшие предмет «русский

язык с церковно-славянским и словесность» при общей для них норме — 24 урока в неделю, получали годовое содержание 1800 рублей (т.е. по 900 рублей каждый). Труд учителей различных предметов оплачивался по-разному.

Так, в классических российских гимназиях 60-х годов XIX века учитель «истории и географии» за 22 урока в неделю получал 1500 рублей годового содержания, а преподаватели немецкого и французского языков при еженедельной норме 19 уроков имели по 1320 рублей за тот же период времени. Учитель рисования, черчения и чистописания при норме 13 уроков в неделю получал за год лишь 600 рублей. Преподаватели пения и гимнастики вынуждены были делить между собой годовую сумму, равную 500 рублям, не являясь при этом чиновниками.

Штаты классических гимназий с латинским и греческим языками в 1871 г. предусматривали, что на одиннадцать (предусмотренных штатным расписанием) преподавателей основных предметов: русского языка с церковно-славянским, «математики, физики, математической географии и естествоведения», «истории и географии», латинского и греческого языков, а также французского и немецкого языков, — при еженедельной норме от 11 до 19 уроков на одного учителя, выделялась общая сумма, равная 13070 рублям годового содержания, т.е. примерно в среднем по 1188 рублей в год на одного учителя. В случае невыполнения предусмотренной нормы количества уроков заработная плата учителя уменьшалась соответственно числу непроеденных им уроков.

А насколько весомой к зарплате учителя была ежегодная прибавка за работу гимназического библиотекаря в размере 120 рублей в 60 — начале 70-х годов XIX века?

Например, привезенные из-за океана американские швейные машины в те годы, согласно опубликованным в журналах «Нива» рекламным объявлениям, стоили от 15—20 до 100 рублей.

По свидетельству знатока Санкт-Петербурга второй половины XIX века Владимира Михневича, годовую плату «ниже 400 и выше 300 р. за квартиру платят лица общественной службы, учителя, архитекторы, художники...». В среднем, оплата сдаваемой 2 — 4 комнатной квартиры стоила в Санкт-Петербурге на рубеже 60-х и 70-х годов XIX века «187,2 рубля» в год. Женские «сапожки лайковые и шагреновые» в столице Империи в эти годы можно было купить по цене от 3 рублей 75 копеек до 17 рублей, при средней цене 8—12 рублей. В

шляпном магазине Фалалеевых-Чуркиных, находившемся в те годы в Санкт-Петербурге на Невском проспекте у Казанского собора, шапки из меха соболя продавались по 50 рублей, из меха куницы — по 30 рублей. При этом стоит учитывать, что покупательная способность рубля 60-х годов XIX века, по свидетельству бытописателя московской жизни Н.В. Давыдова, в 10 раз превышала тот же показатель рубля в 1913—1914 гг.

В заключение хочется вновь предоставить слово давно покинувшему мир гимназическому библиотекарю — современнику многих классиков русской литературы, с которыми он мог когда-либо случайно встретиться на петербургских улицах. Подводя итог описанию своих трудов по созданию библиотеки учебного заведения, Р. Чернявский написал: «Конечно, все это потребует от библиотекаря много времени и труда; но зато труд его будет облегчаться сознанием, что все сделанное им сделано не на один год или на два, а на все время, пока существует библиотека, и что только при выполнении всех этих условий библиотека может удовлетворить своему назначению».

Пожалуй, лучше и не скажешь.

ПРИ ПОДГОТОВКЕ МАТЕРИАЛА ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ ИСТОЧНИКИ:

Полное собрание законов Российской Империи / 1 собрание / Т. 27, 28, 44 / СПб., 1830;

Полное собрание законов Российской Империи / 2 собрание / Т. 3 / СПб., 1856;

Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения / Т. 2. Царствование Императора Николая I. 1825—1855 / СПб., 1876;

Сборник распоряжений Министерства народного просвещения / Т. 1—4 / СПб., 1866—1873;

Журнал Министерства народного просвещения за период с 1863 по 1874 г.;

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / 1907 г./ электронная версия / М.: Адепт. 2002;

Михневич В. Петербург весь на ладони / репринт. издание 1874 г. / М.: 2004;

Державин Г.Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гавриилы Романовича Державина / Г.Р. Державин. «Сочинения» / Л., 1987;

Давыдов Н.В. Москва. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX столетия // Московская старина: Сборник. — М., 1989.